

AVRASYA Uluslararası Araştırmalar Dergisi
Cilt:1 •Sayı:1•Temmuz 2012•Türkiye

ТИФЛИС В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕР. 19 – НАЧ. 20 ВВ.*
ЧУЛПАН ЗАРИПОВА-ЧЕТИН*

РЕЗЮМЕ

Грузия в русской поэзии – это особая тема, которая в каждую эпоху была раскрыта своеобразно и никогда не была исчерпана до конца. История Грузии, её исторические связи с русским народом, с русской культурой озарены целой плеядой известных и малоизвестных имён русских поэтов.

Расцвет поэтического интереса к Кавказу и к Грузии в особенности, принесшая столько плодов в 19 веке, была продолжена и развита и в начале 20 века. Посвящения поэтов обычно являются гимном столице Кавказа - Тифлису - и богаты как на географические названия (Кура, Дарьял, хребты Кавказских гор), так и на имена героев грузинских преданий и истории (Тамар, Руставели, Саят-Нова). Кроме всего этого, можно найти в них и детали грузинской культуры и быта (кубок с кахетинским вином, кабардинский кинжал, перепень зурны, духаны, «жаркие ковры», сазандарий, лезгинка) Во многих из этих стихотворений грузинской столица описывается во всей своей красе с ее природой (снежные вершины, буйные реки, обвалы, ущелья), разноликостью, историческими памятниками (монастыри, руины дворцов), запахами грузинской кухни (плов, шашлык, вино) и нравом «древнейшего в мире народа».

Одним словом, русские поэты, вдохновленные духом столицы Грузии, смогли создать восточный колорит, их стихотворения буквально дышат этой прекрасной страной, ее природой и культурой, и звучат ее мелодикой.

Ключевые слова: Тифлис, Грузия, русская литература, русская поэзия.

TIFLIS IN RUSSIAN POETRY IN MID XIX- BEGIN XX CENTURY

ABSTRACT

Georgia is a special theme in Russian literature; in different periods it has been uniquely conveyed, but never exhausted. The history of Georgia, its historical bonds with Russian people and culture, are mirrored in the works of myriad of Russian poets.

The great interest towards the Caucasus, and Georgia in particular, that bore so many fruits in the 19th century was maintained and increased at the beginning of the 20th century. Poets dedicated their hymns to Tiflis, the capital of the Caucasus, to Kura, Darial and the Greater Caucasus, as well as to the Georgian historical characters and legendary heroes (Tamar, Rustaveli, Sayat-Nova). Moreover, Georgian culture and lifestyle are pictured in Russian poetry (a cup of Kakhetian wine, Kabardi digger, dukhans, “hot carpets”, sazandarey, lezginka). The Georgian capital is depicted in all its beauty: the scenery (snow-covered mountain peaks, snow-white rapids, landslides and gorges); historical monuments (monasteries, ruins of palaces); traditional cuisine (silaf, shashlik, wine); customs of the “the most ancient nation in the world”.

Thus, Russian poets, inspired by the spirit of the Georgian capital, were able to recreate the colours of the Orient. Their poems are filled with the beauty of this gorgeous country, its nature and culture, and its melodious sounds.

Key words: Tiflis, Georgia, Russian literature, Russian poetry.

*Bu makale, “Kafkas Halklarının Folkloru ve Lingvokültürolojisi” adlı Uluslar arası Sempozyumda bildiri olarak sunulmuştur (18-21 Nisan 2012, Tiflis-Gürcistan)

* канд. филол. наук Чулпан Зарипова-Четин, Kafkas Üniversitesi, Sav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü chulpancetin@gmail.com

Грузия в русской поэзии – это особая тема, которая в каждую эпоху была раскрыта своеобразно и, не смотря на это, никогда не была исчерпана до конца. История Грузии, её исторические связи с русским народом, с русской культурой озарены целой плеядой известных и малоизвестных имён русской поэзии.

Как бы не был многолик Кавказ, для русских поэтов он прежде всего был Грузией – страной, известной своими загадочными преданиями и легендами, многовековыми традициями, гостеприимством, человеческими страстями. И всё это – на лоне восхитительной и неповторимой природы. Первооткрывателем Кавказа в русской литературе стал А.С.Пушкин. М.Ю.Лермонтов делает Кавказ своей поэтической родиной. Однако данная тема, и прежде всего тема Грузии, во всей своей красе продолжается в русской поэзии и после творчества этих карифеев.

Тему Грузии в середине XIX века было бы уместно начать с поэзии Я.П.Полонского, с его стихотворения «Грузинская ночь». Яков Полонский (1819-1898) в 1846 году находился на службе в Тифлисе. По грузинским впечатлениям им написана книга стихотворений «Сазандар», куда вошла и «Грузинская ночь». В этом стихотворении грузинская ночь очень красочно описывается со всеми её национальными нюансами и предметами быта: это и постель под навесом сакли, и мягкий ковёр, и косматая бурка, которым ночью обычно укрывались, и внезапный ослиный крик в ночной тиши, и «дикое пенье» под чингури, и светильня в железном висячем ковше, и деревенская лампадка, в которую в Грузии вливали кунжутное масло:

Грузинская ночь, я твоим упиваюсь дыханьем!
Мне так хорошо здесь под этим прохладным навесом,
Под этим навесом уютной Нацваловой сакли.
На мягком ковре я лежу под косматою буркой;
Не слышу ни лая собак, ни ослиного крику,
Ни дикого пенья под жалобный говор чингури
Заснул мой хозяин, потухла светильня в железном
Висячем ковше... Вот луна! И я рад, что сгорело
Кунжутное масло в моей деревенской лампаде...

В стихотворение гармонично вплетены и грузинские слова «нацваль» (деревенский староста) и «чингури»(грузинский музыкальный инструмент). Свои думы лирический герой сравнивает, в унисон грузинской природе, с «волнами потока, бегущего с гор по ущелью», которые спешат на долину, чтобы «напоить виноградные лозы и нивы», которые издревле являются для грузинского народа, занимавшегося земледелием и виноградарством, средством пропитания. Примечательно и то, что Полонский в своем стихотворении называет грузин «древнейшим в мире народом».

А думы несутся одна за другой, беспрестанно,
Как волны потока затем ли бегут по ущелью,
Чтоб только достигнуть предела и слиться с волнами
Безбрежного моря? Нет, прежде чем моря достигнуть,
Они на долину спешат, напоить виноградные лозы
И нивы, надежду древнейшего в мире народа...

В стихотворениях Я.Полонского «Сатар» и «На пути из-за Кавказа», написанных в 1845-1850 годах, уже можно найти и четкие упоминания о Тифлисе. Первое из стихотворений было посвящено известному в Тифлисе персидскому поэту Сатар. Поэт сначала описывает проникновенность исполнения стихотворений поэта:

Сатар, Сатар, твой плач гортанный,
Рыдающий, глухой, молящий, дикий крик,

Под звуки чианур и трели барабанной
Мне сердце растерзал и в душу мне проник.
Наряду с музыкальными инструментами, свойственными грузинской музыке (чианур, барабан), здесь упоминается и о таких деталях грузинского быта, как «кровля земляная»:

Но ты поешь всю ночь на кровле земляной,
И весь Тифлис молчит, и я тебе внимаю...

Кроме того, в стихотворении упоминается и имя трагического героя восточных любовных преданий певца Кярама:

Не знаю, что поешь – быть может, песнь Кярама,
Того певца любви, кого сожгла любовь.

Другое стихотворение Якова Полонского «На пути из-за Кавказа» состоит из двух частей. Первая часть пронизана прощанием и тревогой:

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказ, наш воинственный край,
Ты, наш город Тифлис знойно-каменный,
Светлой Грузии солнце, прощай!

Здесь упоминаются такие географические места Грузии, как гора Казбек, гора Крестовая, ущелье Дарьял, река Терек. Вторая часть стихотворения является лирическим воспоминанием пережитой в этих краях кратковременной любви, не имеющей надежд на будущее:

Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской...
Вспомнит домик твой, дворик, увешанный
Виноградными лозами, - тень...
Вспомнит роз аромат над канавою,
Бубна звон в поздний вечера час.

Даже в этих нескольких строках поэт смог дать нам зарисовки грузинской столицы: увешанный виноградными лозами дворик, аромат буйно цветущих роз и звон бубна, который разносится в узких улочках Тифлиса в вечерние часы.

Расцвет поэтического интереса к Кавказу и к Грузии в особенности, принесшая столько плодов в XIX веке, была продолжена и получила дальнейшее развитие и в начале XX века. Старый Тифлис был целым миром для поэтов всех национальностей и вероисповеданий, в том числе и для русских поэтов. "Через Грузию неизбежно проходят в сердечном плане русские поэты", - сказал Н. Тихонов. Прекрасный город дарил им вдохновение, они часто связывали с ним свою судьбу, а когда покидали его, мысленно не раз возвращались к его душевной красоте и теплу.

Так, вслед за своими гениальными предшественниками, обращаются к разработке данной темы в начале XX столетия такие поэты серебряного века, как И.А.Бунин, В.Я.Брюсов, К.Д.Бальмонт, О.Э.Мандельштам, В.В.Хлебников, Б.Л.Пастернак, В.В.Каменский и др.

Грузия, в частности ее столица Тифлис, в поэзии И.А.Бунина ярко освещена в стихотворении «Луна над шумною Курою...», написанном в 1926 году:

Луна над шумною Курою
И над огнями за Курой
Тифлис под лунною чадрою,
Но дышит знойною жарой.

Тифлис не спит, счастливый, праздный, -
Смех, говор, музыка в садах,
И чуть мерцает блеск алмазный

На еле видимых хребтах.

Уйдя в туман, на север дальний,
Громадами снегов и льдин,
Они все строже, все печальней
Глядят на лунный блеск долин.

Грузия в данном стихотворении предстает перед нами со всеми своими географическими атрибутами: это и шумная река Кура, и знойная жара, и алмазные снежные хребты Кавказских гор, и долины, залитые лунным светом. В то же время Тифлис в лунной дымке поэтом уподобляется женщине, лицо которой по восточной традиции прикрыто чадрой, которая придает ей особую таинственность и очарование. Поэт вместе с тем смог подать буквально в двух строфах и праздный дух Тифлиса:

Тифлис не спит, счастливый, праздный, -
Смех, говор, музыка в садах...

Стихотворение другого русского поэта - В.В.Каменского- «Тифлис», написанное в 1914 году, является в прямом смысле данного слова, гимном столице Грузии:

О, солнцедатная
Грузинских гор столица,
Оранжевая мечта теплиц,
В твои загарные востока лица
Смотрю я, царственный Тифлис.

Сколько восточной специфики уместил поэт в эти строки! Это и «солнцедатность», и «загарные востока лица», и царственность «столицы грузинских гор»! Природа со всей своей стремительностью словно требует тех же качеств и от пера поэта:

Здесь все – взнесенно, крыловейно.
Как друг –
Стремительная Кура
Поёт поэту мне песню лейно,
Что быть стремительным пора.

Однако Тифлис в стихотворении не ограничивается только стремительной и крутой Курой. Это еще и гора Давида, это и Терек Дарьяла:

Ты в час,
Когда восходит солнце,
Взгляни с горы Давида вниз
И улыбайся всем в оконца,
Где розовеется Тифлис.

Пусть кубок,
Полный кахетинским,
В руках моих – орла Урала –
Звенит кинжалом кабардинским
И льется Терек Дарьяла.

В. Каменский, прибывший на Кавказ с Уральских гор, восхищается природой и историей Грузии в лице Тифлиса. Для него Грузия – это прежде всего розовая столица с кахетинским вином, в котором звон кабардинского кинжала и полноводного Терека, бегущего по ущельям Дарьяла!

Однако не только на географические названия богато данное стихотворение. В. Каменский не забывает упомянуть и о преданьях, рожденных в Тифлисе и ласкающих не только слух, но и душу:

Тифлис, Тифлис,
В твоих духанах
На берегах крутой Куры
Преданья жуткие о ханах
Живут, как жаркие ковры.
Легендой каждой, будто лаской,
Я преисполнен благодарий...

В стихотворении можно найти и детали грузинской культуры и быта: это и кубок, наполненный кахетинским вином, и кинжал кабардинский, и «стихи под перепень зурны», и духаны, где бьет ключом жизнь, и жаркие ковры, на которые так богат Тифлис, и сазандарий (ансамбль народных кавказских инструментов), и грузинский народный танец «лезгинка», и перепень зурны:

Я весь звучу
Струной кавказской, -
Звучи ударно, сазандарий.
Играй лезгинку!..

Стихийно всем готов орать я
Стихи под перепень зурны.
Стихотворение настолько мелодично, что в нем не трудно уловить кавказский азарт и грузинскую страсть:

Я весь звучу
Струной кавказской...
Играй лезгинку!
В развесели
Я закружился виноградно.
В грузинской дружбе-карусели
Кровь льется в жилах водопадно.

Кавказскую мелодику стихотворению придают и такие слова как «жуткий», «жаркий», «ударно», «здесь все взнесенно, крыловейно», «стремительная, крутая Кура». В стихотворении проглядывают и черты грузинского народа и его характера:

«В твои загарные востока лица»
«Кубок, полный южной крови»
«Мне так близки востока брови»
«Я приглашаю в пляс грузинку
Со стройным станом кипариса»

Кроме всего этого поэт вплетает в стихотворение и грузинские слова: таши (хлопанье ладонями во время танца, аплодисменты), генацвале (друг).

Тифлис в стихотворении В.В.Каменского по праву назван высокими словами:

О, солнцедатная
Грузинских гор столица...

И сердцем, утром уловленным,
В сиянье горного экстаза
Останься
Вечно удивленным
Перед столицей Кавказа.

В 1916 году другой русский поэт В.Я.Брюсов, побывавший во всех столицах Кавказа, наряду со стихотворениями «К Армении» и «В Баку», написал и посвящение грузинской столице «В Тифлисе». В этом стихотворении также

выражена вся вычурность грузинской столицы, ее природа, разноликость, исторические памятники и национальные герои. Природа Тифлиса представлена прежде всего «зазубренными узорами» снежных вершин и высокими станами кипарисов:

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор...

И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп.

Однако Тифлис в данном стихотворении прежде всего – это многоликий, шумный город с его восточным крикливым базаром, с верблюдами и волами. То есть это старый Тифлис во всей своей красе:

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали, снежную
Иль строгий ход волон;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Тифлис для поэта не просто город, а как и все восточные столицы, он прежде всего дышит историей, преданьями и стариной:

Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ.

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца;

В мечтах восставить над обломками
Пленительной молвы:
Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы;

Припоминать преданья пёстрые,
Веков цветной узор, -
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

Как видим, здесь история представлена в двух ракурсах: 1) историческими памятниками (это прежде всего монастыри и руины грузинского дворца); 2) именами грузинской царицы Тамар и армянского поэта Саята-Новы, писавшего стихотворения и на азербайджанском, и на грузинском языках. Причем оба ракурса овеяны преданьями, которые такие же пестрые, как и «веков цветной узор». Здесь Тифлис предстает прежде всего историческим городом, окруженным снежными вершинами кавказских гор, где тесно сплетены в единое разные национальности («толпа многоодежная», «шум разных языков»). Можно разглядеть воочию и то, что народ здесь издревле занимается торговлей («эталажы неуклюжие», «базары многолюдные»).

Другой поэт серебряного века русской поэзии Осип Мандельштам имел в виду и себя, когда писал: «Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей национальному характеру, и легким целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьянностью, в которую погружена душа и история этого народа. Грузинский Эрос - вот что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда была нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить» (Советский юг 1922: 19 января) Разве не служит стихотворение поэта "Мне Тифлис горбатый снится..." превосходной иллюстрацией к этим словам? В данном стихотворении, написанном в 1920-1927 гг, Мандельштам преподносит нам столицу Грузии с запахами грузинской кухни и национальными чертами грузинского народа: это и плов, и кахетинское вино, и шашлык из молодой баранины; это и гостеприимство, и услужливость грузинского народа, и любовь его к дружеским застольям. В то же время это и плуты, торгующие поддельным вином:

Над Курюю есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов.

Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить, -
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое,
Одному не надо пить!

В самом маленьком духане
Ты обманщика найдешь.
Если спросишь «Телиани»,
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в бутылке поплывешь.

Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...

Стихотворение начинается описанием Тифлиса, окруженного горами (горбатый) и Курой, с музыкой сазандарий и с шумной толпой:

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Примечательно здесь и то, что Тифлис назван «ковровой столицей». В феврале 1937 г. Тифлис снова мощно ворвался в стихи Мандельштама - далекий, желанный, летний:

Еще он помнит башмаков износ -
Моих подметок стертые величье,
А я - его: как он разноголос,
Черноволос, с Давид-горой гранича.

Подновлены мелком или белком
 Фисташковые улицы-пролазы;
 Балкон-наклон-подкова-конь-балкон,
 Дубки, чинары, медленные вязы...

И букв кудрявых женственная цепь
 Хмельна для глаза в оболочке света,-
 А город так горазд и так уходит в крепь
 И в моложавое, стареющее лето.

Из этих строк Тифлис вновь является перед нами во всем своем восточном очаровании: разноголосый, черноволосый, с фисташковыми улицами, с балконами, с кудрявыми буквами на вывесках. Тифлис, помнящий лирического героя, снова смог очаровать его и буквально пьянит, охмеляет своей красотой и восточной вычурностью. Как моложав и в то же время как стар в представлении поэта Тифлис!

В 1924 году Владимир Маяковский пишет стихотворение «Владикавказ-Тифлис». Грузия является родиной Маяковского, он здесь прожил до 1906 года. Видимо, поэтому поэт как только ступил в Кавказ, сразу вспомнил, что он - грузин:

Только нога ступила в Кавказ,
 Я вспомнил, что я – грузин.
 Эльбрус, Казбек. И еще – как вас?!
 На гору горы грузи!
 Уже на мне никаких рубаш.
 Бродягой, - один архалух.

В данном стихотворении, наряду с горами Казбек и Эльбрус, упоминаются и другие географические места Грузии (ущелье Дарьял, город Батум, реки Терек и Кура). Есть в стихотворении и упоминание о предметах грузинского быта: архалух (легкий кафтан, кавказская верхняя мужская одежда), карабах (порода горных кавказских лошадей), сакля, ослик и имена грузинской истории и литературы (цари Ираклий, Давид, просветительница Нина, царица Тамар, поэт Шота Руставели, народный мститель Арсен) и предметы грузинской культуры (музыкальные инструменты зурна и гитара, один из основных грузинских стихотворных размеров шаири, классические образцы которого даны в поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», начальные слова грузинской песни «Мхолот шен эртс рац, ром чемтвис» («Лишь тебе одной все, что дано мне с высоты богом»), и грузинские слова (муша – рабочий, кинто – бродячий торговец, балагур и остряк).

В творчестве другого русского поэта начала XX века Бориса Пастернака Грузия и Тифлис так же занимают особое место. С начала 1930-х годов поэт часто бывал в Грузии, много переводил грузинских поэтов. Его переводы грузинской классической поэзии содействовали изданию на русском языке монументальной антологии грузинской поэзии, начиная с V века. Стихотворение «Вечерело. Повсюду ретиво..», написанное в 1931 году, начинается описанием грузинской природы, где наряду с грабами и сенью орехов

... все тулово вытянув, буйвол
 Голым дьяволом плыл под арбой.

Поэт не смог не упомянуть здесь и о грузинских усыпальницах, и о той горе, куда по преданью был прикован Прометей:

То был ряд усыпальниц, в завесе

Заметенных снегами путей
За кулисы того поднебесья,
Где томился и мерк Прометей.

Тифлис в этом стихотворении описывается совершенно особенно - на фоне истории. И для описания города поэт выбрал батальные сравнения:

Мельтеша, точно чернь на эфесе,
В глубине шевелился Тифлис.

И так полно осмеивал сферу
Глазомера и все естество,
Что возник и остался химерой,
Точно град не от мира сего.

Точно там, откупаяся данью,
Длился век, когда жизнь замерла
И горячие серные бани
Из-за гор воевал Тамерлан.

Будто вечер, как встарь, его вывел
На равнину под персов обстрел,

Он малиною кровель червивел
И, как древнее войско, пестрел.

Стихотворение Пастернака «Я видел, чем Тифлис...» (1936) насквозь пронизано запахом и цветом цветущих абрикосов, слив, анисов и олеандров и буквально дышет весной и уютом старины:

Я видел, чем Тифлис
Удержан по откосам,
Я видел даль и близь
Кругом под абрикосом.

Он был во весь отвес,
Как книга с фронтисписом,
На языке чудес
Кистями слив исписан.

По склонам цвел анис,
И, высясь пирамидой,
Смотрели сверху вниз
Сады горы Давида.

Я видел блеск светца
Меж кадок с олеандром
И видел ночь: чтеца
За старым фолиантом.

В стихотворении «Я помню старый двор...» (1936) Б. Пастернак достаточно живописно описывает грузинскую природу, мастерски сплетая ее с грузинским бытом:

Я помню старый двор,
Внизу был винный погреб,

А сверху на простор
Просился гор апокриф.

На окна и балкон,
Где жарили олады,
Смотрел весь южный склон
В серебряном окладе.

Перила галерей
Прохватывало как бы
Морозом алтарей,
Пылавших за Арагвой.

Прибывание в Грузии, должно быть, оставило неизгладимое впечатление в памяти и душе поэта. Иначе чем объяснить целый цикл стихотворений, посвященных Грузии и Тифлису? Пастернак был пленен как природой этого дивного и богатого на историю края, так и поэтической расположенностью и несравненным гостеприимством грузинского народа:

Стволы густых елей,
Садовый стол под елью.

На свежем шашлыке
Дыханье водопада.

На хлебе и жарком
Угар его обвала,
Как пламя кувырком
Упавшего шандала.

(«Немолчный плеск солей...», 1936)

Еловый бурелом,
Обрыв тропы овечьей,
Нас много за столом,
Приборы, звезды, свечи.

(«Еловый бурелом...», 1936).

Стихотворение Бориса Пастернака «Чернее вечера...» (1936), где описывается чабан (пастух) на фоне грузинской ночи со всеми ее нюансами, нас словно вдруг переносит в эту древнюю страну:

Чернее вечера,
Заливистее ливни,
И песни овчара
С ночами заунывной.

В горах средь табуна,
Холодной ночью лунной
Встречаешь чабана,
Он как утес валунный.

Он может наугад
В любую даль зарыться,
Он сам - восстанье дат,
Как пятый год гурийца.

В нем отзвук трех эпох,
Он дышит той же ширью,
Как меха долгий вздох
Волынкой длит мествире.

В этом стихотворении дан не только внешний облик пастуха в его единстве с грузинской природой («он как утес валунный»), но раскрываются и его нрав и навыки («он может наугад в любую даль зарыться», «он сам – восстанье дат, как пятый год гурийца»). Здесь упоминается и о крестьянском восстании в Гурии – одной из провинций Грузии – в период революции 1905-1907 гг. Пастух встает как воплощение трех эпох и широта его дыхания сравнивается поэтом с долгим вздохом меха грузинского музыкального инструмента ствири, напоминающего волынку (мествире – играющий на ствири).

В стихотворении «Как-то в сумерки Тифлиса...» Борис Пастернак описывает конец осени в «тепличной столице»:

Как-то в сумерки Тифлиса
Я зимой занес стопу.
Пресловутую теплицу
Лихорадило в гриппу.
Рысью разбегались листья.
По пятам, как сенбернар,
Прыгал ветер в желтом плисе
Оголившихся чинар.

Однако стихотворения Пастернака посвящены не только природе и быту Грузии, в них восстают и знаменитые имена грузинской литературы. Так например, стихотворение «За прошлого порог...» было посвящено поэту-«голуборожцу» Паоло Яшвили, чьи стихотворения были переведены на русский язык Борисом Пастернаком:

Давайте с первых строк
Обнимемся, Паоло.

В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Входили ль мы в квартал
Оружья, кож и седел,
Везде ваш дух витал
И мною верховодил.

Уступами террас
Из вьющихся глициний
Я мерил ваш рассказ
И слушал, рот разиня.

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

Стихотворение «Еловый перелом...» было посвящено грузинскому поэту Тициану Табидзе. Каждого прибывшего в Тбилиси поэтического гостя первыми встречали, как правило, Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. В 1931 году Грузию посетил Борис Пастернак, где и произошла историческая встреча двух поэтов,

ставших близкими друзьями. Творчество Тициана в переводах Пастернака, Заболоцкого, Ахматовой вошло в золотой фонд русской литературы:

Как пылкий дифирамб,
Все затмевая оптом,
Огнем садовых ламп
Тициан Табидзе обдан.

Он курит, подперев
Ладонью подбородок,
Он строг, как барельеф,
И чист, как самородок.

Он плотен, он шатен,
Он смертен...
Если в этих строках описывается внешний облик и дух поэта, то в следующих строках Пастернак возносит дань его таланту:

Сейчас он речь начнет
И мыслью – на прицеле,
Он слово почерпнет
Из этого ущелья.

Свой непомерный дар
Едва, как свечку, тепля,-
Он – пира перегар
В рассветном сером пепле.

Как видим из вышеприведенных примеров, посвящения поэтов в основном являются гимном столице Кавказа - Тифлису - и богаты как на географические названия (Кура, Дарьял, хребты Кавказских гор), так и на имена героев грузинских преданий и истории (Тамар, Давид, Ираклий, Нина, Руставели, Саят-Нова, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе). Кроме всего этого, можно найти в них и детали грузинской культуры и быта (кубок с кахетинским вином, кабардинский кинжал, перепень зурны, духаны, «жаркие ковры», сазандарий, лезгинка и т.д.) Во многих из этих стихотворений грузинская столица описывается в удивительной гармонии с ее природой (снежные вершины, буйные реки, обвалы, ущелья), разноликостью, историческими памятниками (монастыри, руины дворцов, курганы), запахами (плов, шашлык, вино) и нравом «древнейшего в мире народа». Как писал азербайджанский литературовед Агиль Гаджиев, «На Кавказе эти лучшие люди России, прогрессивные романтики, создавали произведения, в которых воспевали свободолюбивый нрав местных народов, просторы вольности, красоты природы, своеобразие людских характеров» (Гаджиев 1982: 7). Одним словом, русские поэты, вдохновленные духом столицы Грузии, смогли создать восточный колорит, их стихотворения буквально дышат этой прекрасной страной, ее природой и культурой, и звучат ее мелодикой. В заключении хотелось бы привести строки из стихотворения С.Есенина «Поэтам Грузии», написанном в 1924 году:

Земля далёкая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,

В глаза глубокие,
Как голубые роги...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кавказ в русской поэзии: Сборник Составитель В.А.Бойченко. (1986) Ростов: Издательство Ростовского университета, 176 с.

Агиль Гаджиев. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. (1982)Баку: Язычы.

«Советский юг» (1922) (Ростов-на-Дону), 19 января.